

УДК 930.85:351.735.5:39

DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-1-149-162

Оружие ближнего боя народов Северо-Западной Сибири периода средневековья как историко-культурное явление

В. И. Сподина

*Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
vspodina@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматриваются различные аспекты оружейведческой традиции обских угров и самодийцев XVI–XVII вв., нашедшие отражение в фольклоре и исторических источниках: состав оружия ближнего боя, его тактико-технические характеристики, указывается на комплекс вооружения как отражение социального статуса воина, отмечается символическая роль отдельных видов оружия. Особо выделяются лексические параллели в названиях оружия и металлов, используемых для их изготовления, что свидетельствует об активных межкультурных контактах народов таёжного Обь-Иртышья с уральскими и тюркскими племенами, носивших как мирный, так и конфликтный характер.

Цель: выявить своеобразие оружейведческой репрезентации в обско-угорском и самодийском фольклоре в аспекте межкультурного взаимодействия.

Материалы исследования: фольклорные сборники, справочные издания, устные сообщения информантов, рукописные материалы П. Е. Шешкина.

Результаты и научная новизна. На материалах обско-угорского и самодийского фольклора оружие ближнего боя соотнесено с историческими реалиями, определены пути его проникновения в фольклорную традицию. Рассмотрено 13 предметов вооружения, систематизированных в 5 групп: рубяще-колющее, рубящее, колюще-режущее, колющее, оружие ударного действия. Привлекаемая военная лексика тюркских языков свидетельствует об активных контактах обских угров с южными соседями – племенами индоиранского и иранского мира (в частности – названия металлов). Формулируется вывод о том, что южное влияние оставило заметный след в оружейведческой культуре обских угров и самодийцев, но вместе с тем, вооружение таёжников не лишено и местного своеобразия.

Новизна исследования заключается в том, что впервые вооружение средневековых воинов осмысливается комплексно в регионально-этническом аспекте с привлечением фольклорных и исторических источников, а также данных лингвистики как отражение межкультурных контактов. В научный оборот введены неопубликованные материалы из рукописного наследия П. Е. Шешкина, соотносимые с ранними эпохами (по его периодизации), где предметы оружия совмещают в себе ещё функции универсальных охотничье-боевых средств.

Ключевые слова: остяки, вогулы, самодийцы, обско-угорский фольклор, эпоха средневековья, оружие ближнего боя, оружейведческая лексика, межкультурные контакты

Для цитирования: Сподина В. И. Оружие ближнего боя народов Северо-Западной Сибири периода средневековья как историко-культурное явление // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 1 (56). С. 149–162.

Close-quarter weapon of the peoples of Northwestern Siberia the Middle Ages as the historical and cultural phenomenon

V. I. Spodina

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
vspodina@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article considers the various aspects of the armory tradition of the Ob Ugrians and Samoyeds of the XVI–XV centuries, reflected in folklore and historical sources: the composition of close-quarter weapon, its tactical and technical characteristics; complex of weapons as the social status of a warrior; symbolic role of individual types of weapons. The lexical parallels in the names of weapons and metals used for their manufacture are especially notable. This indicates active intercultural contacts between the peoples of the taiga Ob-Irtysh region with the Ural and Turkic tribes, which were both peaceful and conflicting in nature.

Objective: to identify the originality of armory representation in Ob-Ugric and Samoyed folklore in the aspect of intercultural interaction.

Research materials: folklore collections, reference books, oral reports of informants, handwritten materials by P. E. Sheshkin.

Results and novelty of the research: on the materials of Ob-Ugric and Samoyedic folklore, close-quarter weapon are correlated with historical realities, and the ways of their penetration into the folklore tradition are determined. 13 weapons are considered and systematized into 5 groups: cutting and thrusting, cutting, taper-cutting, thrusting, and impacting weapons. The involved military vocabulary of the Turkic languages testifies to the active contacts of the Ob Ugrians with their southern neighbors – the tribes of the Indo-Iranian and Iranian worlds (in particular, the names of metals). The conclusion is formulated that the southern influence left a noticeable mark on the armory culture of the Ob Ugrians and Samoyeds, but at the same time, the weapons of the taiga people are not without local originality.

The novelty of the study lies in the fact that for the first time the weapons of medieval warriors are comprehended comprehensively in a regional-ethnic aspect with the involvement of folklore and historical sources, as well as linguistic data as a reflection of intercultural contacts. Unpublished materials from the handwritten heritage of P. E. Sheshkin related to early epochs (according to his periodization), where weapons combine the functions of universal hunting and combat equipment, have been introduced into scientific circulation.

Key words: Ostyak people, Vogul people, Samoyed people, Ob-Ugric folklore, the Middle Ages, close-quarter weapon, weapon vocabulary, intercultural contacts

For citation: Spodina V. I. Close-quarter weapon of the peoples of Northwestern Siberia the Middle Ages as the historical and cultural phenomenon // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2024; 14 (1/56): 149–162.

Введение

Воинская культура обских угров и самодийцев, и их оружейведческая культура («культура оружия»)¹ в частности, остаётся пока мало изученной темой, хотя военные столкновения были частью жизни этих народов на протяжении всего средневековья. Несмотря на то, что отдельные вопросы вооружения рассматривались в различных научных публикациях, обобщающих работ, формирующих целостное представление о военном деле коренного населения Обь-Иртышья, пока недостаточно.

Оружие древнего и средневекового населения Сибири стало объектом анализа в работах А. И. Соловьёва, В. И. Молодина, Л. А. Чиндиной, Ю. А. Плотникова, Ю. С. Худякова и др. А. В. Головнёв в своей монографии «Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров», раскрывая «культуру» войны, состоящую из «навыков приготовления и ведения сражений, норм поведения по отношению к своим и врагам, дипломатии, стратегии, тактики и т. д.», в качестве универсальных тактических приёмов ведения военных действий указывает на внезапность нападения, а также «подобие приёмов охоты и военного дела» [8, 96, 98]. И. Н. Гемуев, А. М. Сагалаев, А. И. Соловьёв также отмечали важность охоты для понимания основ тактики боевой активности и характеризовали её как своеобразную микро-модель военных действий [7, 120–121]. Специализированным формам орудий охоты, связанным с их функциональным назначением,

сложившимся в глубокой древности, посвятил свою работу финский этнолог, лингвист Кустая Вилкуна [53].

Исследований, касающихся проникновения в фольклорную традицию обских угров и самодийцев оружейведческой культуры не так много. Следует отметить совместную работу уральских учёных А. П. Зыкова, С. Ф. Кокшарова, Л. М. Тереховой, Н. Ф. Фёдоровой «Угорское наследие», посвящённую древностям Западной Сибири из собраний Уральского университета [40], статью Я. А. Яковлева, раскрывающую вооружение и военное дело дорусского населения Северо-Западной Сибири по материалам фольклора [48], а также работу А. В. Головнёва и Е. В. Переваловой, касающуюся непосредственно темы ведения войн с участием остяков и вогулов на материалах фольклора, механизмов мобилизации власти, вооружения и сценариев межэтнического взаимодействия [9]. С. А. Унру, выделяя по героическим сказаниям причины военных столкновений («военные походы богатырей с целью сватовства либо кровной мести, столкновения из-за оленей, а также на почве территориальных претензий», захват в плен «детей и женщин»), в качестве контактирующих с обскими уграми сторон указывает ненцев, селькупов, коми-ижемцев [42, 114, 115]. Заслуживает быть отмеченной монография А. И. Соловьёва, в которой приводятся особенности боевого воспитания воинов, тактика боя, военной хитрости, детальное описание технологии изготовления

¹ Термин впервые введён американским историком Ричардом Хофштадтером в 1970 г. [49].

клинков, а также торжищ, на которых остяки их покупают «за соболиные шкурки и за невольников и невольниц...» [36, 192].

При подготовке статьи важно было определиться с группировкой оружия ближнего боя. Среди представленных в литературе классификаций [1, 62–63; 45, 12–14] нами выбрана классификационная система А. В. Эбеля и Н. А. Константинова, согласно которой оружие подразделяется на рубяще-колющее (мечи, палаши, сабли), рубящее (боевые топоры), колюще-режущее (кинжалы, боевые ножи), колющее (копья) и оружие ударного действия (чеканы) [47, 3]. Автор придерживается именно данной классификации, как более детализированной, принимая во внимание и местные особенности использования того или иного вида вооружения, отражённые в фольклоре и военной лексике.

Выявление реалий, зафиксированных в устном творчестве, и соотнесение их с той или иной культурой – наиболее простой путь реконструкции этнических контактов. Мы же поставили перед собой следующие задачи: систематизировать фольклорные материалы, содержащие упоминания об оружии ближнего боя и его применении, проследить отражение народных военных знаний в фольклоре, а также выявить лексические заимствования в названиях видов оружия, как отражение контактов остяков и вогулов с иноэтничным окружением в эпоху средневековья.

Материалы и методы

Материалом для написания статьи послужили публикации историков, археологов, касающиеся данной проблематики. Лингвистический материал извлекался из словарей по уральским языкам [2; 4; 16; 30; 31; 35; 39; 51], языкам контактирующих народов [17; 49]. Также использовалась справочная литература по историческому вооружению [14; 44; 46]. Ценным источником явились рукописные материалы П. Е. Шешкина, хранящиеся в Фольклорном архиве Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (фонд ХМФ –1143).

В ходе исследования мы придерживались системного подхода, заключающегося в изучении комплекса вооружения как динамично меняющейся и эволюционирующей системы. Среди используемых методов следует отметить культурно-исторический, который способствовал рассмотрению привлечённого

фольклорного материала в контексте значимых исторических событий (межплеменных столкновений), структурно-семиотический метод позволил отметить знаково-символическую роль отдельных видов оружия ближнего боя, а также метод полевой этнографии (интервью в качестве устных сообщений).

Результаты

Военное дело является одним из важных аспектов изучения истории народа, позволяющим определить межэтнические, экономические, культурные и языковые связи с другими этносами. В прошлом, население Северо-Западной Сибири имело в своём арсенале разные виды оружия для охотничьего промысла и хорошо владело им и в боевых условиях. Специализированное оружие ближнего боя появляется в середине – второй половине I тыс. до н. э. [41, 54]. В данной статье мы рассмотрим оружие ближнего боя, которое было представлено в комплексе вооружения средневекового воина мечами, саблями (рубяще-колющее оружие), топорами (рубящее оружие), ножами (колюще-режущее оружие), копьями (колющее оружие), а также оружием ударного действия (дубина/колотушка/булава, кнут).

Рубяще-колющее оружие. *Меч* – вид холодного оружия с прямым клинком, предназначенный для рубящего и колющего ударов при ведении ближнего боя. Время изобретения меча относится к последней четверти III тыс. до н.э., а родиной считается Малая Азия, где обнаружен самый древний экземпляр меча из метеоритного железа [47, 40–41]. На территории Западной Сибири меч появляется довольно рано – во второй половине I тыс. [20].

Своё происхождение, вероятно, ведёт от большого ножа (нен. *палы* ‘меч’, *палырка* ‘большой длинный нож’, лесн. нен. *пылы*, ср. турецк. *pala* ‘меч, кинжал’, уральск. *palz* ‘копье’, хант. *pal, pali* ‘рогатина’, по форме большого ножа, манс. *pulät* ‘меч (из стали)’, венг. *pallos*) [2, 115; 4, 97; 16; 38, 338; 51, 474]. Касаясь названия меча на приуральском диалекте хантыйского языка, А. А. Шиянова поясняет: «*алты кесы* ‘меч, сабля’, букв.: нести нож) [устное сообщение Шияновой А. А. Ханты-Мансийск, 2023]. Венгерское название меча *kard* и осетинское *kard* свидетельствует о давних этнокультурных взаимоотношениях между иранским и финно-угорским мирами. На импорт

кардов из Персии в Среднюю Азию указывал знаток холодного оружия Ирана, Индии и Афганистана Д. Ю. Милосердов [21, 142].

Меч составлял непререкаемую принадлежность каждого остяцкого князя. Богатырь сургутских хантов *Масай ики* всегда с собой носил меч. Герой сказки про богатыря *Poi-Iipetta lamplat-xui, Poi-Iipetta kaplat-xui*, сражаясь с семиголовыми лешими, валит их своим мечом «подобно сотен копен осеннего сена». Салымский богатырь *Ай-орт-ики* во время битвы «махал-махал мечом, только гул и треск стоит» [12, 59; 33, 99, 100; 52, 56].

В сказках акцентируется внимание на металл, из которого сделан меч: «железный меч» лесных ненцев, «блестящий меч» как непререкаемый атрибут мансийского *Нум-Торума* [22, 294; 34, 143].

Материалы фольклора дают нам представление о больших размерах мечей. В сказках лесных ненцев встречается «большущий меч» [34, 144]. Казымская богиня своей могучей рукой берёт «огромный меч» и спасает, защищает людей казымской земли [24, 12, 16]. Судя по известным фольклорным текстам, богатыри не часто применяли меч в поединках, а использовали его преимущественно для своей защиты или в сражении с простолюдинами, не имеющими такого оружия. Любопытная деталь содержится в фольклоре лесных ненцев относительно местоположения меча, который Сын Мужчины «чудом каким-то сложил и засунул в икру ноги» [34, 146].

Оружие, сосуществуя вместе с человеком, отождествляясь с ним, становится именем собственным героя, идентифицируя его. В качестве примера приведём один из таких антропонимов на основе хантыйских былинных сюжетов – «Богатырь [с] Остроконечным Мечом».

К XVI–XVII вв. мечи отошли в прошлое и уже через несколько столетий, в конце XIX в., ханты «имели весьма смутное представление о мечах» [27, 305].

Палаш – рубяще-колющее клинковое оружие, с рукояткой и прямым или слегка изогнутым клинком полуторной заточки (реже обоюдоострым). Название возникло на основе тюркского *pala* с тем же значением [16]. Появляется палаш «не ранее XV в., характерен для узкоспециализированной терминологии европейского вооружения» [47, 40]. Этот вид оружия, сочетающий в себе качества меча и

сабли (одно-двухлезвийный клинок), был более приспособленным для ведения конного боя. Может быть поэтому он является непререкаемым военным атрибутом *Мир-суснэ-хума* – популярного мансийского божества, одного из сыновей *Торума*. А. И. Соловьёв так описывает иконографию его образа на бронзовом изображении: «Он сидит, положив одну руку на гриву лошади, другую на её круп, в позе, обычной для отдыхающего кочевника. Небесный всадник словно только что выиграл состязание со своими братьями, которое давало ему право на управление людьми. В эпоху средневековья облик божества приобретает воинственные черты. У бронзовых фигурок появляется оружие (палаш с кольцевым навершием), которое становится обычным атрибутом изображений *Мир-суснэ-хума*» [37].

Со временем появляются различные варианты черенка рукояти палаша, облегчающие манипулирование оружием, то есть классические сабли, которые заменили палаш традиционного сибирского облика.

Сабля. Частые столкновения угров (манси, ханты) и самодейцев (ненцы, селькупы) с кочевым миром в зоне лесостепи послужили толчком к возникновению новых видов холодного оружия, одним из которых являлась сабля (хант. *pôlâ* ‘сабля’, ‘большой нож’, ср. сам. *paly*; хант. *nara* ‘меч, сабля’, ср. сам. *narea* ‘копьё’, манс. *nāri*) [27, 47; 51, 332]. Заметим, что название сабли как *nāri* относится к южному, кондинскому, диалекту. Северные же манси номинируют саблю словом *сура*.

Сабля появилась в VIII в. у тюркских народов, как результат модификации палаша, а первые её экземпляры в таёжной зоне Западной Сибири «могли являться южным импортом» [47, 45]. По сравнению с мечами и палашами сабли наносили большие повреждения, а лёгкость и маневренность позволяли их использовать в пехоте и коннице.

Герои обско-угорского фольклора мастерски управлялись этим оружием, что подтверждается многочисленными эпитетами, которыми награждает фольклор этот вид оружия: «могучая сабля», «именитая сабля», «славная сабля», «сабля бывалая» [32, 143, 271]. Например, Казымская богиня одним взмахом сабли «С косу толщиной железную цепь» разрубает, богатырь салымских хантов также лихо «махал саблей», мансийский внук-богатырь «менгква

по мизинцу он полоснул кончиком своей сабли по человеческому мясу, все умерли» [12, 59; 19, 83; 25, 12, 16].

Слабозагнутые сабли составляли большую часть вооружений средневековых воинов. Отметим, что даже незначительный прогиб клинка усиливал его режущие свойства. Использование художественных средств позволяет представить внешний вид этого оружия как: «на убывающий месяц похожа» (*хулам талыц пелкаң нэры*) [5, 14], подобна «светлым озёрным волнам» [11, 25]. Острое окончание клинка придавало сабле дополнительную колющую функцию, которая подчёркивается в фольклоре. В мансийских героических песнях упоминаются «острая сабля», «с острым лезвием сабля», «священная сабля с семью лезвиями» [32, 145, 361].

Образ сабли присутствует в описании гиперболизированного образа богатырей хантыйского фольклора. Когда идёт «Сто крылатых богов одолевший богатырь-бог», то «Земля под ним до середины ягодич проваливается, сабля, на которую он как на трость опирался, до половины в землю уходила». Могучий богатырь по имени Длинная Нога «Ножнами от сабель в земле траншеи по колено прорезали, когда к дому шли» [15, 94]. «Семисуставная сабля» как грозное оружие встречается в мансийском Сказании о возникновении земли [22, 275, 279 и др.].

Такие определения сабли как «с серебряным концом», «сабля с серебряной ручкой» [32, 45, 157], сабля подобная «светлым озёрным волнам» вероятно, содержит намёк на так называемые «белые бронзы», легированные большим количеством олова, что придавало им цвет серебра.

К XVI–XVII вв. сабли уже не использовались в комплексе вооружения, но продолжали сохраняться в качестве обязательного атрибута святилищ героических предков. Так, манси верили в особую чудодейственную силу сабли, благодаря которой она обладала свойством обеспечивать контакт с миром богов и духов в качестве самостоятельного фетиша [6, 89].

Рубящее оружие. Топор (лесн. нен. *тувка/ тубка, тубка лембя*: фолькл. стрела (*лембя* ‘лопасть’, напр. весла; х. шур. *дайм, дяюм*; мс. *сэгран*) [2, 272; 4, 189; 30, 169; 31, 321] является универсальным древковым оружием народов Западной Сибири. В фольклоре встречается

иносказательное название топора – «режущее железо с острым концом» [22, 146] и его мансийского аналога, одной из разновидностей боевого топора с длинным лезвием – секиры (*сып сагрын тёр*, букв.: шею рубящее железо).

На протяжении всего средневековья топор представлялся самым массовым оружием ближнего боя, т. к. в условиях ограниченного пространства был гораздо удобнее меча. Героические предания донесли до нас представление о топоре как о грозном оружии. Топор является неременным атрибутом хантыйского мифологического «царя» с р. Юган *Тонья*, два главных мужских божества мансийского пантеона – *Эква-Пыгрись* и его отец – *Торум* также носили топоры. У богатырей они были больших размеров, «величиной с лопатку оленьего быка» [5, 13]. Им рубятся богатыри на поединках. Мансийское предание так описывает расправу над Богатырём Двух Горных Хребтов: «*Сармын* поднял топор и ударил. Когда он его ударил, череп Богатыря Двух Горных Хребтов повис на шейном хряще. <...> Когда топор коснулся его шеи, Богатырь Двух Горных Хребтов заревел, и где-то на конце света что-то зашумело» [22, 427].

Активное использование топоров объясняется их эффективностью в борьбе против облачённого в доспехи противника. В мансийских героических песнях упоминается «топор из магнитного железа». Комментируя данный фрагмент фольклорного текста Е. И. Ромбандеева поясняет: «букв. из живого железа топор, так называли магнитное железо, так как притягивал топор противника и другие железные предметы» [32, 97, 410]. В качестве оружия вполне были пригодны и топоры, используемые в повседневной жизни как оружие бедняков. «Бедный, несчастный, никудышный тот работник к саням побежал, взял там старый топор с обгорелым топорищем» и пригрозил северному богатырю отрубить «большой палец на ноге» [33, 75].

Боевые топоры от рабочих отличают меньшие размеры, более узкий клинок и, как правило, наличие чётко выделенного, большого длинного обуха. Их было известно несколько типов. В лесостепной зоне Западной Сибири в VI–XII вв. преобладал степной хазаро-мадьярский тип. Для него характерен узкий трапециевидный клинок, наподобие оленьей лопатки, с коротким лезвием и довольно длинным обухом

в виде молотка. Наравне с этим типом большое распространение получил так называемый русский тип топоров, которые появились здесь в результате торговли с новгородцами [20]. На рубеже XVI–XVII вв. «произошла смена ориентации мансийских верхов с протатарской на прорусскую, что повлекло за собой качественные изменения во всех сферах материальной культуры, в том числе и в оружии» [3, 34]. В лесной полосе Западной Сибири топоры как оружие просуществовали до XVIII в.

Колюще-режущее оружие. Нож (шур. хант. *кеши, кесы*; манс. *касай*; лесн. нен. *кал*) [2 40; 30, 132; 31, 156]. П. Е. Шешкин приводит мансийское название ножа, как *пувтың ѓвта* ‘колющая пика/жало’¹. Ножи всегда были в составе оружия ближнего боя. «По истечении трёх дней и трёх ночей стали тыкать Богатыря Двух Горных Хребтов под мышки ножами <...> только слышно, как пихают кончики ножей, кончики мечей», *Кирп-нёлп-эква* остриём ножа проткнула горло одному из братьев, живущих в посёлке, «убила его и съела» [22, 411, 427, 463]. Герой священной мансийской сказки «Внук Мужчины в Шубе из Семи Шкур Самцов (олений)», желая погубить девушку «узенький нож ей прямо в сердце воткнул» [32, 153]. Но обычно нож использовался только в экстренных ситуациях, таких как например потеря в бою основного оружия, либо сражение в ограниченном пространстве. После того как у них стрелы кончились, «только топорами, только ножами начали [воевать]» или «Влетели они в чум, все топоры-ножи в него вонзились» [34, 32, 132].

Очевидно, основными областями их применения являлась рукопашная схватка, поэтому их носили за поясом, чтобы было удобнее вытаскивать в условиях скоротечного ближнего боя. Однако фольклором подмечены некоторые особенности. Нож салымских хантов, называемый *тит-хур-кетче*, по преданию носили в рукаве – *тит*. Он «служил для скальпирования убитых врагов» [12, 256]. Трёхсаженный Лесной Идол из одноимённого мансийского сказания из кармана достаёт нож – «живое железо и хочет проколоть им горло брата-богатыря». В экипировку хантыйского воина входили «длинный и простой ножи», а мансийского – «стальной узенький нож», «узенький ножичек» – острый,

с узким лезвием нож охотника, воина как оружие и как рабочий инструмент [29, 129; 32, 169, 423].

Ножи, применяющиеся в военных столкновениях, должны быть необычайно острыми. Лесные ненцы их затачивали так, «что если опустить шерстинку на лезвие, то оно её пере режет» [34, 54].

В качестве боевого оружия ножи просуществовали до XVII в., «когда, судя по документам Сибирского приказа, они использовались в междоусобной войне “ясачных” и в схватках со “служилыми людьми”» [36, 194].

Колющее оружие. В обско-угорском фольклоре среди боевого древкового оружия редко встречается *копье* (хант. *pal* ‘рогатина’; манс. *ѓвта* ‘пика’; сам. *parea*; лесн. нен. *наля*) [2, 77; 4, 97; 27, 47; 31, 115]. Оружие колющего действия предназначалось для нанесения таранного удара со средней дистанции. Древко копья было немного выше роста человека. Колющая часть имела ромбовидную или вытянутую треугольную форму. Судя по данным фольклора, в качестве копья у лесных ненцев выступал хорей (с металлическим ластовидным наконечником). Так, разгадав замыслы неприятеля по захвату ненецкой земли, Есаки Кутиши, стоя наконечник копья врагу «между рёбер его воткнул, вместе с лёгкими вылезло, когда вытащил на себя холодный наконечник», а затем «наконечник вниз воткнул, сверху на свой собственный хорей повесил [противника]» [34, 28]. А. В. Головнёв приводит фрагмент легенды, согласно которой во время очередного набега *хорун ёх* ‘народ городков’ (воинственные отряды Кодских городков) на жителей Шурышкарского сора, дух-охранитель этих мест сделал так, что «им померещилось», будто на берегу сора воинов «“черным-черно”, целое войско с копьями стоит. Враги испугались и ушли» [8, 113].

Косвенно о применении копий в сражении можно судить по отрывку одной из мансийских медвежьих песен, где описываются поединки богатырей с медведем: «Длинное копье богатыря / Пронзает моё святилище», «Хоть и пытаются богатыри / Продолжать борьбу копьями, да попусту: / Отскакивают копья от его одежды» [22, 315, 317]. Единичное упоминание пики, как аналога копья, входит

¹ Шешкин П. Е. Тетради. Тетрадь № 3 // фонд ХМФ–1143. Л. 8–10.

в художественное описание образа *Мир Суснэ Хума*: «[Как] звериный нос со страшной священной пикой [ты] Царь» (со ... священной пикой Царь – *ялпыу ѓвт Хѓн*, где *ѓвта* ‘штык’, ‘жало’ [31, 76, 354; 32, 94, 95]).

В рукописном архиве П. Е. Шешкина, содержится упоминание о нескольких разновидностях колющего оружия типа копья. Так, например, для ближнего боя манси использовали рогатину – длинную палку с раздвоенным и, желателно острым, концом. В улучшенном варианте к концу палки прикреплялась остро заточенная кость лопатки зверя *нярм лув* [от *нярм* ‘лопатка’ (анатомич.) и *лув* ‘кость’]. Это оружие одинаково применялось и для ближнего боя, и для охоты на зверя с близкого расстояния. Чтобы раненый зверь не смог запрыгнуть на охотника или сломать древко, упав на него всей тушей, к концу копья прикреплялся рогатый сучок (от *яньт* ‘рог’ и *таг* ‘сучок’). Он препятствовал проникновению копья глубоко в тушу, что позволяло легко его извлекать из шкуры животного.

Судя по фольклорным материалам П. Е. Шешкина, манси было хорошо известно ручное копьё *кятыу ѓвта* [от *кят* ‘рука’ и *ѓвта* ‘копьё’ (пика)]. К слову *ѓвта* Шешкин приводит буквальный перевод – «жало» (пчелы). Ручное копьё было длиною в полторы сажени, рукоять во всю длину имела одинаковую толщину. Также в качестве аналогового названия упоминается *пувтыу ѓвта* ‘колющее копьё’ [от *пувтууке* ‘колоть’ (чем-л. острым)].

Редким является указание на использование *пяхтыу ѓвта* ‘метательное копьё’ (от *пяхтууке* ‘кидать, бросать, метать’), которым можно было поразить врага издали. Его рукоять также была длиною в полторы сажени, но имела гораздо большую толщину и вес, нежели *кятыу ѓвта*. К концу копья также прикреплялась остро наточенная *нярм лув*. В отличие от рогатины, на его конце не было сучка, который не давал сломаться рукояти, поскольку она была толстой и крепкой².

Копья были характерны для эпохи раннего средневековья, но позже, когда их популярность пошла на убыль, они оказались вытеснены пальмой [36, 194].

Пальма – большой, тяжёлый нож, как правило, с односторонней заточкой на деревянной

рукояти (другое название рогатины). Хантыйское предание о гибели богатыря из-за измены его жены, записанное М. Шатиловым в с. Колик-ёган на р. Вах, повествует о том, как хотел Золотоволосый Царь «надеть кольчугу, а в это время ему в бок вошло большое копьё-пальма» [22, 167].

Это самобытное сибирское древковое колющее оружие появилось в конце XVII в. [28]. У обских угров пальма не нашла большого распространения и была отмечена в качестве орудия охоты только у восточных хантов в конце XIX в. [18, 6]. Данное явление Е. Г. Фёдорова расценивает «как влияние тунгусов или кетов» [43, 67].

Копье и пальма являются самыми древними среди орудий активной охоты, в частности – на медведя. В мансийском языке *awtā*, *owtā* означает и копьё, и наконечник хороя [4, 76, 97], что может выступать свидетельством в пользу универсальности его применения как на охоте, так и на поле брани (ср. фин. *ota* ‘жало’, ‘остриё’, селк. *and* ‘острый’).

Оружие ударного действия (дубина/колотушка/булава, кнут) представляет собой тип холодного оружия, рассчитанного на прямой дробящий удар. В фольклоре хантов и манси при описании богатырских деяний используются в качестве оружия ударного действия самые разнообразные предметы: палка для выбивания снега из шкур, железные верёвки, железные столбы, золотые вёсла, прутья (железные, серебряные, медные), уздечка. В мансийской сказке про умного старика в качестве оружия, сразившего *менква*, используются молот и клещи [22, 452]. Любое оружие ударного действия применялось в тех случаях, когда основное вооружение (стрелы, мечи, сабли) пришли в негодность. Но наиболее часто в руках богатырей оказываются молот, клещи, дубина и колотушка.

Героиня мансийской сказки Ворона-С-Бусами-На-Ушах – *Матум-Эква* «рассердилась, вскочила на ноги, схватила большую дубину, пришедшего человека по голове ударила. Он в камень превратился», а Мухоморы Едящий старик хотел прихлопнуть дубиной *Эквангырися* в облике шуки, но тот увернулся и удар пришёлся по голове старухи. «Тут ей и конец был» [22, 95, 365–366].

² Шешкин П. Е. Тетради. Тетрадь № 3 // фонд ХМФ–1143. Л. 9–10.

На основании фольклорных данных можно предположить, что дубинки были сделаны из различных материалов. В хантыйских былинах упоминается дубина из лиственничного или елового дерева [27, 227]. Колотушка в ненецких сказках изготовлена из лиственницы *калвхат ше'лтаңа* («стали друг друга колотить лиственниц отцом лиственниц колотушкой»), которая была настолько грозным оружием, что поколоченная ею бабушка *менк* «стала совсем как мягкая морошка» [34, 33, 125]. Ненецкий юноша, спасая свою сестру от злодея-захватчика «Костяной колотушкой-выбивалкой из рога он всё войско перебил» [19, 77].

В материалах П. Е. Шешкина находим подробное описание охотничье-боевых ударных средств, которыми пользовались манси. Это, прежде всего, несколько разновидностей дубины/булавы – короткодревкового ударно-дробящего холодного оружия:

1. *Кāтың нāрап* ‘булава’ (от *кāт* ‘рука’ и *нāрап* ‘деревянный стержень, рукоять’, толстая палка или тонкое бревно, жердь). Рукоять делалась короткой, расширяющейся к ударной части в виде шаровидной головки. Толщина рукояти была размером в обхват крепко сжатых пальцев, чтобы при сильном размахе не сорвалась и не слетела с руки. Изготавливалась булава из твёрдой части нароста в корнях берёзы *пāквна* или из твёрдой части, пропитавшейся смолой, молодого дерева лиственницы (*мāнь вортың нāңк*). Поэтому такое оружие иногда называли *пāквның нāрап* [букв.: палка (рукоять) с наростом (шишкообразной головкой)].

2. *Мувырың нāрап* от *мувр* ‘дубина’ [для сбивания] (например, колот, для сбивания кедровых шишек; сшибатель – палка с набалдашником) и *нāрап* ‘деревянный стержень, рукоять’ – также тупое ударное оружие, происходит от палки.

3. *Пāхвтың нāрап*, букв.: палка для кидания (*пāхвтуңкве*), наподобие *мувырың*. Рукоять по всей длине имеет одинаковую толщину, но может быть разной длины: простая сажень (152 см) и печатная сажень (*пēсятың* – 2м 48 см), так как рассчитывается на силу его владельца. *Пāхвтың нāрап* делается также из твёрдой части нароста в корнях берёзы *пāквна* или из твёрдой части, пропитавшейся смолой, молодого дерева лиственницы (*мāнь вортың нāңк*).

Оружие мечут с размаху, со всей силы, поэтому им можно было пользоваться с дальнего расстояния. От него пошло название любой брошенной палки (*мувырыңнял*).

Все три перечисленных вида оружия делались из нароста деревьев, которые отличались прочностью и не теряли вес при сушке. Для этого их помещали в прохладное, проветриваемое место, куда не попадали солнечные лучи. При такой обработке оружие становится прочным. Когда дубинами не пользовались, то держали их или в сыром месте, либо периодически замачивали в воде.

Рукопашным оружием типа *кāтың*, *пāхвтың* и *мувырың нāрап* воевали друг с другом мифологические племена *порнэ*, *мосьнэ* и *мис-мāхум* в период межплеменных, межродовых и войн кровной мести, вплоть до конца военной эпохи *хонтаң йис* ‘военное древнее время’.

В эпоху верхней бронзы пользовались и каменной булавой *āхвтасың нāрап* (от *āхвтас* ‘камень’ и *нāрап* ‘деревянный стержень, рукоять’). В щель рукояти вгоняется заострённый камень и крепится корневищем. Оружие было тяжёлым, били двумя руками и со всей силы¹.

Обращает на себя внимание упоминание в фольклоре такого оружия как *кнут*. Он представлял собой тип ударного гибкого оружия, главным элементом которого являлся длинный плетёный ремень из сыромятной кожи, изначально с узлом на конце. Ранее мы отмечали, что небесный бог *Торум* в качестве жизненно важных вещей, даровал хантыйскому богатырю золотой кнут. Герой мансийской сказки *Палтарись* (одно из семи имён *Мир Суснэ Хума*) – *Эква-пыгрись* уничтожает город с помощью огненного кнута. «Хлестнёт кнутом, куда искры упадут, там [огонь] вспыхивает» [23, 123].

В фольклоре встречается в качестве аналога кнута *плеть*. Она также изначально являлась атрибутом бога. В мансийском сказании о сотворении земли упоминается трёхгранная плеть, а в Священной сказке-мифе о возникновении земли встречаем «семигранную плеть» [22, 275; 23, 39].

В лексике хантыйского и мансийского языков кнут и плеть имеют одинаковые названия: шур. хант. *хомици* ‘кнут’; каз. хант. *хомици* ‘кнут, плётка’; юж. хант. *хамде* ‘кнут’; манс. *хōмси* ‘плеть’ [27, 46; 30, 118; 31, 200; 35, 589].

² Шешкин П. Е. Тетради. Тетрадь № 4 // фонд ХМФ–1143. Л. 14–16.

Для сравнения укажем на ногайское *камши*, *камчы*, *камча* «ногайский кнут», от тюрк. *гамсу* ‘плеть’ (ср. тат. *камде* ‘плеть’) [17]. Вероятно, здесь налицо южные корни происхождения названия кнута / плети у обских угров через заимствование казаками у тюркоязычных народов, обитавших в степях между Волгой и Уралом до середины XVI в.

И всё же, при схожем обозначении, функции (плётка и кнут служили для подстёгивания лошади и в качестве оружия) и конструкции (изготавливались из перевитых верёвок), данные виды ударного оружия обнаруживают некоторые особенности, отделяющие их друг от друга оттенками значений: кнут имеет большую длину, массу и силу удара, чем плётка; у него более твёрдая рукоять; плеть – облегчённая версия кнута.

Данные нюансы, различающие эти два ударных оружия, на лексическом уровне нашли отражение только в словаре Б. Мункачи и Б. Кальман, где находим мансийское название кнута как *oster*, венг. *ostor* [51, 396]. Венгерский этимологический словарь объясняет происхождение данного слова древним наследием угорской эпохи от: *vogul aster* ‘хлыст’; сюда же может входить черемисский *вастер* / *воштыр* ‘прут’, что «может являться воспоминанием о коневодстве, развитом в угорскую эпоху» [39, 7; 50]. О. Ю. Динисламова, проведя лингвистические изыскания и отметив, что в современных словарях перевод слова отсутствует, а венгерское *vessző*, как и марийское переводится как «прут», приходит к заключению, что

«очевидно это слово весьма древнее, исконное (не заимствованное) и возможно уходит к протофинно-угорской основе» [устное сообщение О. Ю. Динисламовой. Ханты-Мансийск. 2023].

Практика массовой эксплуатации кнута / плётки в качестве основного типа оружия у некоторых кочевых народов (калмыки, казахи, тувинцы, киргизы) сохраняется и по настоящее время. В руках опытных владельцев кнут превращался в мощнейшее оружие: точный удар бича мог переломать хребет волку. В бою плеть при ударе могла выбить глаз, разорвать одежду, кроме того, от неё нельзя было закрыться щитом.

Напомним, что кнут, плеть в экипировке небесного всадника *Мир Суснэ Хума* указывает на восточную манеру езды (см. иконографию образа), с подстёгиванием коня плетью. Так, спасаясь от погони, «конь говорит своему хозяину, нет ли у него чего-нибудь в руках; тот не догадывается, и так до трёх раз; наконец сообразил, что у него плеть, ударил ею коня, и он помчал выше лесу и далеко оставил за собою погоню. Сказать слово “плеть” лошади не могла – запрещено богом» [10, 30–31]. Другая важная функция плети, связанная с образом одного из представителей божественной семьи – *Мир Суснэ Хума* – выступать в качестве особого инструмента для демонстрации силы и власти.

Дополнительный фольклорный материал по обским уграм и самодийцам позволил структурировать средневековое вооружение ближнего боя относительно их этнотерриториальной принадлежности (табл. 1).

Таблица 1

Воинские принадлежности этнотерриториальных групп обских угров и лесных ненцев (по данным фольклора)

Атрибуты	Северные ханты	Южные ханты	Восточные ханты	Манси	Лесные ненцы
Оружие ближнего боя					
Сабля	+	+	+	+	
Меч	+	+	+	+	+
Палаш	+			+	
Топор/секира	+	+	+	+	+
Нож	+	+	+	+	+
Копьё/рогатина				+	+
Пальма			+		
Пика	+			+	
Оружие ударного действия					
Молот		+		+	
Молот и клещи				+	
Дубина/булава/колотушка				+	+
Выбивалка для снега	+				
Кнут/плеть (прут)	+	+		+	
Куски железа		+			

Как видим, оружие ближнего боя активно применялось в сражениях. Максимальная частотность упоминаний характерна для сабли и меча, которые были на вооружении зажиточных воинов, а также для топора и ножа, которыми пользовались, в т. ч. и простые таёжники, как в сражении, так и в быту. Копьё, рогатина, пальма и пика встречаются в фольклоре в единичных случаях как отголосок древнего вида оружия. К оружию ударного действия, в соответствии с классификацией, можно отнести только дубину / булаву (колотушку) и кнут (плеть, прут). Остальные предметы встречаются в фольклоре в качестве подсобных, случайных предметов, оказавшихся «под рукой».

Следует обратить внимание на то, что в эпоху раннего средневековья комплекс оружия ближнего боя у населения таёжного Приобья развивался под воздействием тюркских кочевников. Южное влияние (индоиранское и иранское, а позже тюркское) проявилось не только в названиях отдельных видов вооружения (меч / нож / кинжал / рогатина – *пал / pala*; плеть / кнут – *хомци / гамсу*) у обских угров, самодийцев и тюрков (тат.), но и в названиях металлов. Наивысшей сакральностью, в перечне вооружения фольклорных воинов упоминается обско-угорское *сорни / сёрни* ‘золото’, которое А. Д. Каксин и С. Х. Хакназаров объясняют иранским происхождением, перешедшим в праугорскую общность [13, 10]. Для сравнения укажем на осетинское *saerin*, которое проникло в ряд финно-угорских языков, например, коми *zarni*, а также удмурт. *зарни* ‘золото’, эрзя *сырне*, мокш. *сырня*, *зырня*, манс. *сорни*. «Современные названия золота в языках уральской семьи возникли после распада семьи на финскую и угорскую группы: финская группа заимствовала названия из герм. на севере Европы, угорская – на юге Европы из иран.» [40].

В категорию сакральных металлов входит и серебро. Его название как *цел вух* ‘жидкие деньги’, по замечанию Т. А. Молдановой, «в хантыйском языке считается производным» [25, 213]. В. В. Напольских отмечая, что «названия серебра в пермских (ППерм **äzüs* > удм. *azveś*, коми *eziś*) и в венгерском (*ezüst*) языках... никак не связаны с другими финно-угорскими названиями металлов и представляют собой заимствование из алан. **æzvestæ* (> осет. *ævzist* ‘серебро’)), предлагает рассматривать район нижнего Прикамья и башкирского Приуралья, как территорию, где во второй половине I тыс. до н. э. – первой половиной I тыс. н. э. «имели место трёхсторонние пермско-венгерско-аланские контакты» [26,

66, 77]. Возможно название такого металла как серебро в обско-угорских языках в древности имело этимологию внутри родного языка (манс. *съялголн*, букв.: серебряные деньги возможно, изначально *съялг* от *съялгуукве* звенеть/бренчать).

Отмеченные лексические соответствия свидетельствуют о давних этнокультурных взаимоотношениях между южными соседями и финно-уграми, когда занимаемая ими территория была продвинута далеко на юг.

Обсуждение и заключение

В статье были системно рассмотрены пять типов оружия ближнего боя: рубяще-колющее (мечи, сабли), рубящее (топоры), колюще-режущее (ножи), колющее (копья), а также оружие ударного действия (колотушка, дубина, кнут), составляющих в совокупности 13 их разновидностей и упоминания о которых содержатся в обско-угорском и самодийском фольклоре.

Характер вооружения, представленный в устном народном творчестве, иллюстрирует социальную дифференциацию и социальную стратификацию средневекового обско-угорского и самодийского общества. На верхней ступени иерархической лестницы стоял *орт-ики* – «богатырь, князь» (хант), *отыр*, *канась*, *хон* «богатырь, вождь, князь, царь» (манс.) – так называемая знать, к которой относились и княжеские дружинники из профессиональных богатырей-воинов. Их вооружение состояло из боевых мечей, топоров, копий и др. Ниже находились рядовые общинники, которые призывались к участию в военных событиях по необходимости. Их вооружение ближнего боя состояло в основном из топора, ножа, редко меча или сабли. Особенностью таёжных воинов было то, что на протяжении всего средневековья топоры и ножи использовались и как универсальные охотничье-боевые средства и в качестве бытовых предметов. Этим объясняется их высокая частотность упоминаний в фольклорных текстах.

Отдельные типы вооружения хантов, манси и лесных ненцев были самобытными, встречающимися только на территории Сибири. Это различные разновидности копий, пальмы, дубин, колотушек.

У обских угров и самодийцев сформировался определённый комплекс военных навыков и военно-прикладных знаний (мастерское владение мечом, саблей, ножом, кнутом), что тесно связано с этническими процессами. Миграции уральских племён за Урал и тюркских с Алтая на территорию южного Прииртышья, способствовали

развитию торговых отношений, заимствованию военной терминологии, появлению мотивов ценности серебра и золота, богатства как цели, к которой стремится герой. Всё это свидетельствует о том, как сильно культура лесостепных племён таёжников зависела от культуры их соседей.

Список источников и литературы

1. Антипов О. В. Современные классификации холодного оружия // Эпомен. 2021. № 57. С. 59–64.
2. Бармич М. Я., Вэлло И. А. Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект). СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2002. 288 с.
3. Богданов С. А. Когда лёд застынет, придём // Родина. 2000. № 8. С. 30–34.
4. Вершинин В. И. Происхождение ненецких слов. Йошкар-Ола: Курсив, 2015. Т. I–II. 240 с.
5. Волдин С. Е. Помощники богатырей хантыйских героических произведений // Фольклор в истории народа и его место в современной культуре. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 13–16.
6. Гемуев И. Н. Мироззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
7. Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., Соловьёв А. И. Легенды и были таёжного края. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 176 с.
8. Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
9. Головнёв А. В., Перевалова Е. В. Вожди обских угров и ненцев (по данным фольклора) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 115–122.
10. Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М.: Тип. Е. Г. Потапова, 1888. 91 с.
11. Земля Кошачьего Локотка. Кань Кунш Олаң. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. 3. 230 с.
12. Ивасько Л. П., Кардаш О. В., Суровень Д. А. Древняя история // Салымский край. Екатеринбург: Тезис, 2000. С. 33–70.
13. Каксин А. Д., Хакназаров С. Х. Представления о камне и некоторых металлах у обских угров // Природные богатства Югры в легендах, мифах и сказках обских угров. Материалы I и II научно-практических конференций «Природные богатства Югры в легендах, мифах и сказках обских угров» (г. Ханты-Мансийск, 30 марта 2004 г.). Ханты-Мансийск: Информационно-издательский центр, 2005. С. 7–10.
14. Кантарович А. Р., Кузьминых С. В. Ранний железный век. Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/text/3041894> (дата обращения: 06.07.2023).
15. Кельчин Г. П. Мифические герои в хантыйском фольклоре // Фольклор коренных народов Югры и Ямала: общее и особенное: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. С. 92–95.
16. Крылов Г. А. Этимологический онлайн-словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/> (дата обращения: 25.10.2023).
17. Лосева-Бахтиярова Т. В. Военная лексика тюркских языков (названия вооружения): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 28 с.
18. Лукина Н. В. Материальная культура васюганско-ваховских хантов в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1972. 22 с.
19. Мансийская (вогульская) народная поэзия: военные и героические сказания / сост., транслит. текстов, пер. на рус. яз. Е. И. Ромбандеевой. Тюмень: ФОРМАТ, 2017. 250 с.
20. Мельников А. Военное дело таёжных народов Западной Сибири // Para bellum. 1999. № 8. С. 19–42. URL: http://www.parabellum.vzmakh.ru/n8_s3.shtml (дата обращения: 05.07.2023).
21. Милосердов Д. Ю. Куда приводит поиск этномаркирующих элементов // Вестник Международного института центральноазиатских исследований. 2021. Вып. 31. С. 141–146.
22. Мифы, предания, сказки хантов и манси / пер. с хант., манс., немец. языков; сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной; под общ. ред. Е. С. Новик. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1990. 568 с.
23. Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / сост. Е. И. Ромбандеева. Новосибирск: Наука, 2005. 475 с.
24. Молданов Т. А., Молданова Т. А. Боги земли Казымской. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 114 с.
25. Молданов Т., Молданова Т. Символические функции металла в культуре хантов // Очерки традиционной культуры хантов: избранное. Ханты-Мансийск: Печатное дело, 2010. С. 200–219.
26. Напольских В. В. «Прауральское» *waške ‘металл, (? медь); ‘украшение’ и его «дериваты» в пермских и угорских языках // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24. № 3. С. 66–81.
27. Патканов С. К. Сочинения в двух томах. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. 1. Остяцкая молитва. 400 с.
28. Пахоруков Д. П. Древнее вооружение // Культурное наследие Югры. Электронная антология. URL: <http://hmao.kaisa.ru/object/1808730026?lc=ru> (дата обращения: 04.10.2023).
29. Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и её обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; ГРАФО, 2006. 352 с.
30. Рандымова З. И., Прокина Т. Я., Рачинская М. А. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (шурышкарский диалект). СПб.: Алмаз-Граф, 2023. 188 с.
31. Ромбандеева Е. И. Русско-мансийский словарь: Учеб. пособие для уч-ся 5–9 кл. общеобраз. учрежд. СПб.: Миралл, 2005. 360 с.
32. Ромбандеева Е. И. Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2010. 648 с.

33. Сказки и рассказы сургутских ханты: фольклорный сборник / авт.-сост. Марта Чепреги; под ред. А. С. Песиковой. Тюмень: ФОРМАТ, 2015. 118 с.
34. Сказки Татвы: сборник фольклорных произведений на лесном диалекте ненецкого языка / сост.: Татва и Алла Логаны; отв. ред. Н. Б. Кошкарёва. Ханты-Мансийск: ФОРМАТ, 2016. Вып. 1. 212 с.
35. Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. 689 с.
36. Соловьёв А. И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-Пресс, 2003. 224 с.
37. Соловьёв А. И. Священные лики большого леса. О свидетельствах подвигов остяцких богатырей // Наука из первых рук. 2015. Т. 65/66. № 5/6. URL: <https://scfh.ru/papers/svyashchennye-liki-bolshogo-lesa-o-svidetelstvakh-podvig/> (дата обращения: 20.10.2023).
38. Терёшкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1981. 544 с.
39. Троицкий В. П. Черемисско-русский словарь. Казань: Тип. Императорского Университета, 1894. 87 с.
40. Тялежко Г. М. Анализ названий золота в языках разных этносов // UNIVERSUM: Филология и искусствоведение. 2018. № 4(50). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5773> (дата обращения: 25.12.2023).
41. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета / А. П. Зыков, С. Ф. Кокшаров, Л. М. Терехова, Н. Ф. Фёдорова. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 159 с.
42. Унру С. А. Военная культура в героических сказаниях народов Сибири и Дальнего Востока // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 111–118.
43. Фёдорова Е. Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб.: Европейский Дом, 2000. 578 с.
44. Худяков Ю. С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. 190 с.
45. Шалюшинский А. В. Вооружение и военное дело тюркоязычного населения Западной Сибири XIII–XVI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул: [б. и.], 2007. 22 с.
46. Шокарев Ю. В. Оружие, словарь-справочник. М.: Росмэн-Пресс, 2003. 224 с.
47. Эбель А. В., Константинов Н. А. Воины и охотники Горного Алтая в древности и средневековье. Горно-Алтайск: [б. и.], 2020. 162 с.
48. Яковлев Я. А. Вооружение и военное дело дорусского населения Северо-Западной Сибири (по материалам фольклора) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург: УИФ, Наука, 1993. С. 170–191.
49. Hofstadter Richard. America as a Gun Culture // American Heritage. 1970. № 21 (6). URL: <https://www.americanheritage.com/> (дата обращения: 13.11.2023).
50. Magyar etimológiai szótár. URL: <https://www.arcanum.com/hu/online-kiadvanyok/Lexikonok-magyar-etimologiai-szotar-F14D3/o-o-F33F0/ostor-F34C4/> <https://www.arcanum.com/hu/online-kiadvanyok/Lexikonok-magyar-etimologiai-53-szotar-F14D3/o-o-F33F0/ostor-F34C4/> (дата обращения: 17.11.2023).
51. Munkácsi, B., Kálmán, B. Wogulisches wörterbuch. Budapest: Akademiai Kiado, 1986. 950 p.
52. Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie. II. Teil. Ostjakischte texte mit Deutscher und Russischer Übersetzung nebst erläuterungen. St. Petersburg: l'Académie Impériale des Sciences, 1900. 302 p.
53. Vilkuina K. Über die Ob-Ugrischen und Samojedischen Pfeile und Kocher // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1950. Vol. 98. Pp. 1–34.

References

1. Antipov O. V. *Sovremennye klassifikacii holodnogo oruzhiya* [Modern classifications of melee weapon]. *Epomen* [Epomen], 2021, no. 57, pp. 59–64. (In Russian)
2. Barmich M. Ya., Vello I. A. *Slovar' nenecko-russkij i russko-neneckij (lesnoj dialekt)* [Nenets-Russian and Russian-Nenets dictionary (Forest dialect)]. Saint-Petersburg: Filial izd-va "Prosveshchenie" Publ., 2002. 288 p. (In Nenets, Russian)
3. Bogdanov S. A. *Kogda lyod zastynet, pridym* [When the ice freezes, we will come]. *Rodina* [Homeland], 2000, no. 8, pp. 30–34. (In Russian)
4. Vershinin V. I. *Proiskhozhdenie neneckih slov* [Origin of Nenets words]. Yoshkar-Ola: Kursiv Publ., 2015. Vol. I–II. 240 p. (In Russian)
5. Voldin S. E. *Pomoshchniki bogatyrej hantyjskikh geroicheskikh proizvedenij* [Helpers of the heroes of the Khanty heroic works]. *Fol'klor v istorii naroda i ego mesto v sovremennoj kul'ture* [Folklore in the history of the people and its place in modern culture]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2005. Pp. 13–16. (In Russian)
6. Gemuev I. N. *Mirovozzrenie mansi: Dom i Kosmos* [Worldview of the Mansi people: Home and Space]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1990. 232 p. (In Russian)
7. Gemuev I. N., Sagalaev A. M., Solovjov A. I. *Legendy i byli tayozhnogo kraja* [Legends and true stories of the taiga region]. Novosibirsk: Nauka; Sib. otd-nie Publ., 1989. 176 p. (In Russian)
8. Golovnyov A. V. *Govoryashchie kul'tury: tradicii samodijcevi i ugrov* [The Speaking Cultures: Traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Yekaterinburg: UrO RAN Punl., 1995. 606 p. (In Russian)
9. Golovnyov A. V., Perevalova E. V. *Vozhdi obskih ugrov i nencev (po dannym fol'klora)* [Leaders of the Ob Ugrians and Nenets (according to folklore)]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Istorija* [Bulletin of the Tomsk State University. History], 2017, no. 49, pp. 115–122. (In Russian)
10. Gondatti N. L. *Sledy yazychestva u inorodcev Severo-Zapadnoj Sibiri* [Traces of paganism among the foreigners of North-Western Siberia]. Moscow: Tip. E. G. Potapova Publ., 1888. 91 p. (In Russian)

11. *Zemlya Koshach'ego Lokotka. Kan'Kunsh Олӧч [Land of the Cat's Elbow]*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2003. Iss. 3. 230 p. (In Khanty, Russian)
12. Ivasko L. P., Kardash O. V., Suroven D. A. *Drevnyaya istoriya [Ancient history]. Salymskij kraj [Salym region]*. Yekaterinburg: Tezis Publ., 2000. Pp. 33–70. (In Russian)
13. Kaksin A. D., Khaknazarov S. Kh. *Predstavleniya o kamne i nekotoryh metallah u obskikh ugrov [Ideas about stone and some metals among the Ob Ugrians]. Prirodnye bogatstva Yugry v legendah, mifah i skazkah obskikh ugrov. Materialy I i II nauchno-prakticheskikh konferencij "Prirodnye bogatstva Yugry v legendah, mifah i skazkah obskikh ugrov" (g. Hanty-Mansijsk, 30 marta 2004 g.) [Natural resources of Yugra in legends, myths and fairy tales of the Ob Ugrians. Materials of the I and II Scientific and Practical Conferences "Natural resources of Yugra in legends, myths and fairy tales of the Ob Ugrians" (Khanty-Mansiysk, March 30, 2004)]*. Khanty-Mansiysk: Informacionno-izdatel'skij centr Publ., 2005. Pp. 7–10. (In Russian)
14. Kantarovich A. R., Kuzminykh S. V. *Rannij zheleznyj vek. Bol'shaya rossijskaya enciklopediya 2004–2017 [Early Iron Age. Great Russian Encyclopedia 2004–2017]*. Available at: <https://old.bigenc.ru/text/3041894> (accessed July 06, 2023). (In Russian)
15. Kelchin G. P. *Mificheskie geroi v hantyskom fol'klore [Mythical heroes in Khanty folklore]. Fol'klor korennyh narodov Yugry i Yamala: obshchee i osobennoe: materialy mezhrregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii [Folklore of the indigenous peoples of Yugra and Yamal: general and special: materials of the Interregional Scientific and Practical Conference]*. Khanty-Mansiysk: Poligrafist Publ., 2008. Pp. 92–95. (In Russian)
16. Krylov G. A. *Etimologicheskij onlajn-slovar' russkogo yazyka [Etymological online dictionary of the Russian language]*. Available at: <https://lexicography.online/> (accessed October 25, 2023). (In Russian)
17. Loseva-Bakhtiyarova T. V. *Voennaya leksika tyurkskikh yazykov (nazvaniya vooruzheniya) [Military vocabulary of the Turkic languages (names of weapons)]*. Moscow, 2005. 28 p. (In Russian)
18. Lukina N. V. *Material'naya kul'tura vasyugansko-vahovskikh hantov v konce XIX – nachale XX v. [Material culture of the Vasyugan-Vakh Khanty people at the end of the XIX – beginning of the XX centuries]*. Tomsk, 1972. 22 p. (In Russian)
19. *Mansijskaya (vogul'skaya) narodnaya poeziya: voennye i geroicheskie skazaniya [Mansi (Vogul) folk poetry: military and heroic tales]*. Comp. E. I. Rombandeeva. Tyumen: FORMAT Publ., 2017. 250 p. (In Mansi, Russian)
20. Melnikov A. *Voennoe delo tayozhnyh narodov Zapadnoj Sibiri [Military affairs of the taiga peoples of Western Siberia]. Para bellum [Para bellum]*, 1999, no. 8, pp. 19–42. Available at: http://www.parabellum.vzmakh.ru/n8_s3.shtml (accessed July 05, 2023). (In Russian)
21. Miloserdov D. Yu. *Kuda privodit poisk etnomarkiruyushchih elementov [Where does the search for ethno-marking elements lead]. Vestnik Mezhdunarodnogo instituta central'noaziatskikh issledovanij [Bulletin of the International Institute of Central Asian Studies]*, 2021, no. 31, pp. 141–146. (In Russian)
22. *Mify, predaniya, skazki hantov i mansi [Myths, legends, fairy tales of the Khanty and Mansi peoples]*. Comp. N. V. Lukina; ed. E. S. Novik. Moscow: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury Publ., 1990. 568 p. (In Russian)
23. *Mify, skazki, predaniya mansi (vogulov) [Myths, fairy tales, legends of the Mansi (Voguls)]*. Comp. E. I. Rombandeeva. Novosibirsk: Nauka Publ., 2005. 475 p. (In Mansi, Russian)
24. Moldanov T. A., Moldanova T. A. *Bogi zemli Kazymskoj [The Gods of the Kazym Land]*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2000. 114 p. (In Russian)
25. Moldanov T., Moldanova T. *Simvolicheskie funkcii metalla v kul'ture hantov [Symbolic functions of metal in the culture of the Khanty people]. Ocherki tradicijnoj kul'tury hantov: izbrannoe [Essays on the traditional culture of the Khanty people: selected works]*. Khanty-Mansiysk: Pechatnoe delo Publ., 2010. Pp. 200–219. (In Russian)
26. Napol'skih V. V. *"Praul'skoe" *waške 'metall, (? med)'; 'ukrashenie' i ego "derivaty" v permskikh i ugorskikh yazykah ["Proto-Ural" *waške 'metal, (? copper); 'decoration' and its "derivatives" in the Permian and Ugric languages]*. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki [Izvestia. Ural Federal University. Series 2: Humanities and Arts]*, 2022, no. 24 (3), pp. 66–81. (In Russian)
27. Patkanov S. K. *Sochineniya v dvuh tomah [Works in two volumes]*. Tyumen: Izd-vo Yu. Mandriki Publ., 1999. Vol. 1. *Ostyackaya molitva [The Ostyak Prayer]*. 400 p. (In Russian)
28. Pakhorukov D. P. *Drevnee vooruzhenie [Ancient weapons]. Kul'turnoe nasledie Yugry. Elektronnaya antologiya [Cultural heritage of Yugra. Electronic anthology]*. Available at: <http://hmas.kaisa.ru/object/1808730026?lc=ru> (accessed October 04, 2023). (In Russian)
29. Perevalova E. V., Karacharov K. G. *Reka Agan i eyo obitateli [The Agan River and its inhabitants]*. Yekaterinburg: Nizhnevartovsk: UrO RAN; GRAFO Publ., 2006. 352 p. (In Russian)
30. Randymova Z. I., Prokina T. Ya., Rachinskaya M. A. *Slovar' hantysko-russkij i rusko-hantyskij (shuryshkarskij dialekt) [Khanty-Russian and Russian-Khanty Dictionary (Shuryshkar dialect)]*. Saint-Petersburg: Almaz-Graf Publ., 2023. 188 p. (In Khanty, Russian)
31. Rombandeeva E. I. *Rusko-mansijskij slovar': Ucheb. posobie dlya uch-sya 5–9 kl. [Russian-Mansi dictionary: Textbook for students of 5–9 grades]*. Saint-Petersburg: Mirall Publ., 2005. 360 p. (In Mansi, Russian)
32. Rombandeeva E. I. *Geroicheskij epos mansi (vogulov): Pesni svyatyh pokrovitelej [Heroic epos of the Mansi (Vogul) people: Songs of the patron saints]*. Khanty-Mansiysk: Print-Klass Publ., 2010. 648 p. (In Mansi, Russian)
33. *Skazki i rasskazy surgutskikh hantov: fol'klornyj sbornik [Fairy tales and stories of the Surgut Khanty people: folklore collection]*. Comp. Marta Chepregi; ed. by A. S. Pesikova. Tyumen: FORMAT Publ., 2015. 118 p. (In Khanty, Russian)
34. *Skazki Tatvy: sbornik fol'klornyh proizvedenij na lesnom dialekte neneckogo yazyka [Tales of Tatva: collection of folklore works in the Forest dialect of the Nenets language]*. Comp. Tatva and Alla Logany; Ed. N. B. Koshkareva. Khanty-Mansiysk: FORMAT Publ., 2016. Vol. 1. 212 p. (In Khanty, Russian)

35. Solovar V. N. *Hantyjsko-russkij slovar' (kazymskij dialekt)* [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN Publ., 2020. 689 p. (In Khanty, Russian)
36. Solovjov A. I. *Oruzhie i dospeki. Sibirskoe vooruzhenie: ot kamennogo veka do srednevekov'ya* [Weapons and armor. Siberian weapons: from the Stone Age to the Middle Ages]. Novosibirsk: INFOLIO-Press Publ., 2003. 224 p. (In Russian)
37. Solovjov A. I. *Svyashchennye liki bol'shogo lesa. O svidetel'stvah podvigov ostyackih bogatyrej* [Sacred faces of a large forest. On evidence of the exploits of Ostyak heroes]. *Nauka iz peryh ruk* [First-hand Science], 2015, no. 65/66 (5/6). Available at: <https://scfh.ru/papers/svyashchennye-liky-bolshogo-lesa-o-svidetelstvakh-podvig/> (accessed October 20, 2023). (In Russian)
38. Teryoshkin N. I. *Slovar' vostochno-hantyjskih dialektov* [Dictionary of the Eastern Khanty dialects]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., 1981. 544 p. (In Khanty, Russian)
39. Troitskij V. P. *Cheremisso-russkij slovar'* [Cheremis-Russian dictionary]. Kazan: Tip. Imperatorskogo Universiteta Publ., 1894. 87 p. (In Russian)
40. Tyalezko G. M. *Analiz nazvanij zolota v yazykah raznyh etnosov* [Analysis of the names of gold in the languages of different ethnic groups]. *UNIVERSUM: Filologiya i iskusstvovedenie: elektron. nauch. zhurnal* [UNIVERSUM: Philology and art history: electronic scientific journal], 2018, no. 4 (50). Available at: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5773> (accessed December 25, 2023). (In Russian)
41. Zykov A. P., Koksharov C. F., Terekhova L. M., Fyodorova N. F. *Ugorskoe nasledie. Drevnosti Zapadnoj Sibiri iz sobranij Ural'skogo universiteta* [Ugic heritage. Antiquities of Western Siberia from the collections of the Ural University]. Yekaterinburg: Vneshtorgizdat Publ., 1994. 159 p. (In Russian)
42. Unru S. A. *Voennaya kul'tura v geroicheskikh skazaniyah narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Military culture in the heroic tales of the peoples of Siberia and the Far East]. *Yazyki i fol'klor korennyh narodov Sibiri* [Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia], 2021, no. 2 (42), pp. 111–118. (In Russian)
43. Fyodorova E. G. *Rybolovy i ohotniki bassejna Obi: problemy formirovaniya kul'tury hantov i mansi* [Fishermen and hunters of the Ob river basin: problems of the formation of the culture of the Khanty and Mansi peoples]. Saint-Petersburg: Evropejskij Dom Publ., 2000. 578 p. (In Russian)
44. Khudyakov Yu. S. *Vooruzhenie central'no-aziatskih kochevnikov v epohu rannego i razvitoogo srednevekov'ya* [Armament of Central Asian nomads in the early and developed medieval era]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie Publ., 1991. 190 p. (In Russian)
45. Shalyushinskiy A. V. *Vooruzhenie i voennoe delo tyurkoyazychnogo naseleniya Zapadnoj Sibiri XIII–XVI vv.* [Armament and military affairs of the Turkic-speaking population of Western Siberia in the XIII–XVI centuries]. Barnaul, 2007. 22 p. (In Russian)
46. Shokarev Yu. V. *Oruzhie, slovar'-spravochnik* [Weapons, dictionary-reference book]. Moscow: Rosmen-Press Publ., 2003. 224 p. (In Russian)
47. Ebel A. V., Konstantinov N. A. *Voiny i ohotniki Gornogo Altaya v drevnosti i srednevekov'e* [Warriors and hunters of the Altai Mountains in ancient times and the Middle Ages]. Gorno-Altaysk: [w/p], 2020. 162 p. (In Russian)
48. Yakovlev Ya. A. *Vooruzhenie i voennoe delo dorusskogo naseleniya Severo-Zapadnoj Sibiri (po materialam fol'klora)* [Armament and military affairs of the pre-Russian population of North-Western Siberia (based on folklore materials)]. *Znaniya i navyki ural'skogo naseleniya v drevnosti i srednevekov'e* [Knowledge and skills of the Ural population in ancient times and the Middle Ages]. Yekaterinburg: UIF, Nauka Publ., 1993. Pp. 170–191. (In Russian)
49. Hofstadter Richard. America as a Gun Culture. *American Heritage*, 1970, no. 21 (6). Available at: <https://www.americanheritage.com/> (accessed November 13, 2023). (In English)
50. *Magyar etimológiai szótár*. Available at: <https://www.arcanum.com/hu/online-kiadvanyok/Lexikonok-magyar-etimologiai-szotar-F14D3/o-o-F33F0/ostor-F34C4/> <https://www.arcanum.com/hu/online-kiadvanyok/Lexikonok-magyar-etimologiai-53.szotar-F14D3/o-o-F33F0/ostor-F34C4/> (accessed November 17, 2023). (In Hungarian)
51. Munkácsi B., Kálmán B. *Wogulisches wörterbuch*. Budapest: Akadémiai Kiado, 1986. 950 p. (In Mansi, Hungarian, German)
52. Patkanov S. *Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie*. II. Teil. Ostjakischte texte mit Deutscher und Russischer Übersetzung nebst erläuterungen. St. Petersburg: l'Académie Impériale des Sciences, 1900. 302 p. (In German)
53. Vilkuina K. Über die Ob-Ugrischen und Samojedischen Pfeile und Kocher. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 1950, no. 98, pp. 1–34. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сподина Виктория Ивановна, главный научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14 А, каб. 306), доктор исторических наук.

vspodina@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6252-7831

ABOUT THE AUTHOR

Spodina Viktoria Ivanovna, Chief Researcher, Director of the Ob-Ugic Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira Str., 14A), Doctor of Historical Sciences.

vspodina@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6252-7831